

О.В.Рябов

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»:

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ «РУССКОЙ ЗАГАДКИ»

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить

Без этих знаменитых строк Ф. И. Тютчева обходится редкая книга о России. Миф о русской загадке, уходящий корнями в глубь столетий (см.: 56, с. 93-94, примеч.), получил широкое распространение и в массовой культуре, и в историософских концепциях. О «таинственной русской душе», о «русской загадке» рассуждали отечественные и зарубежные авторы, весьма по-разному относящиеся к России: например, А. А. Блок (12, с. 212) и А. де Кюстин (27, с. 244), Вяч.Иванов (20, с. 308) и О. Шпенглер (63, с. 193), С. Грэхем (59, с. 330) и Й. Геббельс (см.: 36, с. 59, 299). Н. А. Бердяеву принадлежит такая фраза: «Для нас самих Россия является неразгаданной тайной. Россия - противоречива, антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами» (10, с. 3; см. также: 11, с. 33; 8, с. 43; 56, с. 93-94; 46, с. 472; 32, с. 436-437; 45, с. 123; 31, с. 104). Иронизировавший над идеей «загадочности русской души» И. Л. Солоневич писал: «Усилиями отечественной и иностранной литературы перед взорами отечественного и еще более иностранного читателя возник образ русского сфинкса... «таинственная славянская душа», ничего

не разобрать» (41, с. 183; см. также: 41, с. 188).

Популярность идеи «загадки России» заставляет предположить, что она выполняет какую-то немаловажную функцию в формировании национального самосознания русских и образа России на Западе. Цель настоящей работы - выявить логику этой идеи: ее модусы, аргументацию, следствия, из нее выводимые, связи с другими характеристиками России - и тем самым показать ее место во всей системе представлений о нашей стране. При этом отправной точкой исследования будет другой устоявшийся образ мировой культуры - образ «загадочной женственности», поскольку тот же Сфинкс, существо с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы, чья загадка несла смерть пытавшимся ее разгадать, - это один из древнейших символов «непостижимой женской сущности».

«Тайна=женское» (17, с. 175) - эта идея проходит через всю историю представлений о женщине. «...Женщина казалась древности и представляется мужской впечатлительности донныне существом таинственным и неизследимым до его последних

глубин» (22, с. 382), - писал в 1909 году Вяч. Иванов, называя женщину «бессознательной хранительницей какой-то сверхличной природной тайны» (там же). «У женщин есть необыкновенная способность порождать иллюзии, быть не такими, каковы они на самом деле» (9, с. 79), причем «всякая женщина хочет быть хоть чуть-чуть, хоть для кого-то таинственной незнакомкой»; это - «аксиома, не требующая доказательств!» (26, с. 205). «Загадка женственности», «мистика женственности» - так обозначала Бетти Фридан описываемый ею идеологический феномен, ту «мистификацию», которая провозглашает «наивысшей ценностью и единственным долгом женщины» «реализацию женских качеств и исполнение своего предназначения» (47, с. 81). Противопоставление мужскому «солнечному», «дневному» началу женского «лунного», «темного», «ночного», столь популярное в философских трактатах, - будь то китайская «Книга перемен» или сочинения мыслителей Серебряного века (см.: 39, с. 19-20) - также отражает это представление о «непроницаемости» женской сущности для мужского ума.

1. «УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ»

Что же дает основание говорить о «неземной цивилизации Женщины» (17, с. 55)? В чем усматривается ее «загадочность»? С какими свойствами женщины связывается ее «таинственность»?

Обратимся вначале к чрезвычайно показательному высказыванию О. Вейнингера: «Женщина является только материей... она лишена всякой изначальной формы. Женщина - ничто; поэтому и только поэтому она может стать всем... Из женщины можно сделать все, что угодно <... >. У женщин нет какого-нибудь определенного свойства; единственное ее свойство покоится на том, что она лишена всяких свойств. Вот в чем заключается вся сложность и загадочность женщины; в этом кроется ее превосходство над мужчиной...» (14, с. 324). Как соответственно активная форма (эйдос) и пассивная, формируемая материя мужское и женское начала трактуются со времен Аристотеля. «Изменчивая и иллюзорная» материя ее «таинственной, неуловимой, бездонной сущностью» - это «среда и средство любого развития, чистая и неопределенная возможность, субстанция, «вещь в себе»» (51, с. 190).

Будучи неоформленной материей, женщина не обладает определенностью и зафиксированностью. «В психике женской есть то качество, что она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно, а, напротив, ширится, как туман, захватывает собой неопределенное далекое; и, собственно, не знаешь, где ее пределы» (37, с. 34), - пишет В. В. Розанов; «бабья» душа - «бесствольная, гибкая, ползучая

или парящая за облаками» (37, с. 139).

Для всех мифологических систем характерно представление о первоначальном разделении мирового хаоса на две половины, мужскую и женскую, причем последняя, выделившись из хаоса, остается в значительной степени его образом; она «ассоциируется со стихией воды и с хаосом, обычно мыслится на стороне «природы», а не культуры» (30, с. 208); гендерная асимметрия дихотомии «природа-культура» получила отражение и в философском осмыслении сущности половых различий (см., напр.: 39, с. 15-16). Стихийной, безмерной природе противостоит культура, которая проникнута мерой и смыслом. Если культура творит нормы, упорядочивает, то природа нарушает порядок; соотносясь с природным, с бесформенным, женщина особо предрасположена к отклонению от существующих норм, к трансгрессии. Стихию, не-упорядоченность, а потому - обновление женщина символизирует в народно-смеховой культуре, как показано в исследовании М. М. Бахтина (3, с. 265-268). Представление о женщине как воплощении хаоса, текучести, бесформенности, бескачественности проявляется в виде идеи о женском непостоянстве, которая встречается уже в полемике Ивана Грозного с Андреем Курбским (34, с. 134).

Со времен учения пифагорейцев о числовой символике женская загадочность как незафиксированность ассоциируется с двойственностью. «Имманентная двойственность женской природы», «двусмысленность» отражает отношение к Матери - Сырой Земле: Земле-колыбели, дающей жизнь, и Земле-могиле, ее отбирающей (23, с. 303; 38, с. 333; 3, с. 265). Женский образ в культуре предельно антиномичен: либо «идеал содомский», либо «идеал Мадонны»; одну половину женского лика составляет «образ добропорядочной чистой женщины, достойной преклонения, и вторую - женщины падшей, с плотскими желаниями» (47, с. 84-85). Сильная поляризация женского облика получила отражение в традиции устного народного творчества (18, с. 198, 272).

Непредсказуемость женщины проявляется не только в ее поведении, но и в мышлении - и представления о «женской логике» прекрасно иллюстрируют идею «мистики женственности». «Женская логика - это такое нечто, что вообще неопишимо, непредсказуемо, невыразимо, соответственно, необъяснимо» (26, с. 33), ее трудно представить и попытаться понять - ее можно только почувствовать (26, с. 48); это - «терра инкогнита» (26, с. 76). Женщина противоречива и парадоксальна (26, с. 33, 64), она «не подчиняется никаким правилам, она есть зримое исключение из всех них - таково основное правило женской логики» (26, с. 48). Один из ее стержневых принципов - принцип всеобъемлющей неопределенности (26, с. 38), которая представляет собой «важнейшее основание женской загадочности, таинственности» - ведь

«сказав «да» или «нет», женщина независимо от своего желания раскрывает свое отношение к предмету» (26, с. 40). «Вообще модальность «может быть» в женской логике имеет очень большое значение и является ключевой во многих фразах, речах, разговорах. Из-за этого женскую логику можно назвать «логикой может-быть»» (там же).

Эта не-логичность, иррациональность нередко рассматривается как величайшее преимущество женщины. Будучи связанной с Природой, хтоническим, бессознательным, интуитивным и инстинктивным, она обладает особой мудростью, что подкрепляет представление о женской таинственности. Женское знание, символизируемое «мудрой женой», богиней Афиной или Моной Лизой (55, с. 182-183; 31, с. 111), становится предметом напряженного внимания в философских сочинениях, посвященных поиску парадигмы неклассической рациональности; например, «проникание к Земле, чуткое улавливание Ее внушений, верность космическому началу есть особый путь мудрости» (52, с. 41); тем самым следующий по этому пути «прозирает таинственную основу мира» в Деве, «превосходящей разум премудрых» (52, с. 270). «Женщина, осуществляющая свое женственное назначение, может сделать великие открытия, которые не способен сделать мужчина. Только женщине могут открыться некоторые тайны жизни, только через женщину может приобщиться к ним мужчина» (7, с. 254).

О таинственной мудрости женщины мужчине говорит ее безмолвие; женщине как «тайне, бездне, прорве и бесконечности» пристало «таиться, не раскрываться, не быть определенной, но немой» (17, с. 178). «Я люблю тебя так, как ночной небосвод... Мой рассудок тебя никогда не поймет, О, печали сосуд, о, загадка немая! Я люблю тем сильнее, что, как дым ускользая И дразня меня странной своей немотой, Разверзаешь ты пропасть меж небом и мной.» - писал Шарль Бодлер. Карл Юнг, исследуя архетип Анимы, говорит о «так называемом характере «сфинкса»»; это «двойственность или многозначность; не шаткая неопределенность, в которую ничего нельзя вложить, а неопределенность многообещающая, с многоречивым безмолвием Моны Лизы» (54, с. 215). Женское безмолвие, лишенное определенности, «многоречиво» и «многообещающе!» В отрицании скрыт гигантский потенциал: вопреки известной фразе короля Лира, из ничего, из отрицания, из ложного высказывания может следовать все, что угодно. Фридрих Ницше утверждает: «...у женщины нет ничего невозможного» (32, с. 48). Таинственность женщины - это ее Инаковость; женщина - это Другой. Эта инаковость может служить отправной точкой в рассуждениях о женском мессианизме - «Красота спасет мир» (см.: 39, с. 96-99); она же несет важнейшую смысловую нагрузку и во всей идеологии андроцентризма. Таинственность женщины интригует - и идея древних об эротической природе познания мира отражает этот вечный

интерес мужчины к «мистике женственности». Но загадочность одновременно и пугает. Женский архетип, согласно исследованиям Юнга, может означать для мужчины «нечто тайное, загадочное, темное: бездну, мир мертвых, все поглощающее, искушающее и отравляющее, т.е. то, что вселяет ужас и что неизбежно, как судьба» (53, с. 218-219). Страх перед неизвестным порождает образ врага; все непонятное, необъяснимое, таинственное соотносится с дьявольским началом, с «нечистой силой» (см.: 18, с. 197). Особая женская мудрость настолько для мужского ума непостижима, что ее, следует объявить порождением сил тьмы; «все женщины - немножко ведьмы» (26, с. 162; 19, с. 95). «Молот ведьм» - это крайнее проявление страха перед неизвестным; другим, более respectableм его модусом является представление о необходимости контроля женского мужским. Б.Фридан анализирует одну из форм этого контроля - миф о загадке женственности, который трактуется американской исследовательницей как «искусственно навязанная дилемма женственности и человечности» (47, с. 376). Воспевание женского предназначения пропорционально нежеланию общества относиться к женщине как к полноценному человеку (47, с. 305-306): «...развитие считается несовместимым с загадочной женственностью, с предназначением женщины, ее природой» (47, с. 389). Поэтому, предлагает Б. Фридан, «пора остановить обращенные к женщинам призывы не терять женственность, коль скоро именно здесь заложен корень пассивности и несамостоятельности» (47, с. 376).

2. «РУССКИЙ СФИНКС»

«Россия - Сфинкс» - эта знаменитая метафора из блоковских «Скифов», как уже отмечалось, обрела широкую популярность. Например, Г. П. Федотов¹ называет женственную Россию сфинксом, загадку которого пытается решить Петербург, «немецкое пятно на русской карте» (43, с. 50). Олицетворяя аполлонический Эрос империи, этот город «вобрал в себя все мужское, все разумно-сознательное, все гордое и насильственное в душе России. Вне его осталась Русь, Москва, деревня, многострадальная земля, жена и мать» (43, с. 51).

Для многих иностранцев символом «Матери-России» является матрешка с ее «многомерной идентичностью» (напр.: 60, с. XII). Под одной оболочкой матрешки скрывается другая: каждый ее лик воспринимается как неокончательный, неподлинный, обманчивый - она подобна русской душе, для которой, по словам Вяч. Иванова, «все лсяорклчфскуге, бытовые, психологические проблемы суть только внешние облачения, временные одежды плоти, проходящие модальности ее

сокровенного бессмертного лика, видимого одному Богу» (31, с. 347).

Россия - это «заколдованная красавица» (42, с. 64), «спящая Красавица» (5, с. 329), «ужасная на вид, недугом искаженная царевна», тайна которой открыта сердцу рыцаря (31, с. 350). Или - «О, Русь, волшебница суровая» (Н. Гумилев).

Стивен Грэхем, чтобы выразить свое восприятие России, использует другой традиционный женский образ: «Россия - это ночь... Преклоняя колена в церкви, я понимаю, что наш день столь светел лишь потому, что ночь так темна - день так полон радости лишь потому, что ночь так полна святости» (59, с. 329 - 330).

Попытаемся разобраться, какие суждения о свойствах русской души дают основания говорить о ее загадочности?

Во-первых, это представления о качествах, которые вытекают из отождествления России с неоформленной материей - в отличие от Запада, воплощающего принцип формы. «Огромна, бесформенна, расплывчата и непостижима Россия!»

- писал Т. Ардов, один из публицистов начала века (2, с. 525), соотнося загадочность России с отсутствием формы - определенности. Ее тай* на связана с открытостью, незавершенностью бытия, полагает Г.Д.Гачев (16, с. 198; 17, с. 33). В России никогда не было ощущения готовности бытия, Россия - это вечное становление (15, с. 284). «Гений формы - не русский гений...» (10, с. 63).

«Незаконченность и неопределенность русского характера» отмечает Н. О. Лосский (29, с. 333). Н. А. Бердяев избирает такие эпитеты для выражения этой национальной черты: «безбрежность» (10, с. 65), «безфаничность» (11, с. 210), «безгранность» (10, с. 63), «расплывчатая душевность» (10, с. 85), «недостаток формы и предела» (11, с. 210). Женственные не-оформленность и пассивность лежат в основе таких качеств русского характера, как недостаток должной мужской воли (10, с. 77), ответственности (10, с. 78; 11, с. 210), самодисциплины духа (10, с. 54,78), самообладания (10, с. 231). Идея западных авторов о «загадочности русской души» в значительной мере обусловлена представлениями о «ненависти русских к форме» (6В, с. 138) как к чему-то устойчивому, завершенному, зафиксированному, что ставит в тупик европейца, привыкшего к норме, порядку, определенности. Культивируемый Германией формализм представляет собой крайнюю степень стремления к оформлению, организации, упорядочиванию (см.: 39, с. 123-124). Россия, напротив, воспринимается как «космос хаоса» (16, с. 17), как страна, в которой торжествует стихия - стихия революций, перестроек, «бессмысленного бунта», как страна, которая не поддается никакому прогнозированию. Западный, «прометеевский», человек выше всего ставит порядок; русский ищет

противоположного. Первый ничего так не боится, как хаоса - «русский же ждет его с тайной радостью» (50, с. 91). Не-оформленность проявляется также в пресловутой антиномичности русской души. Какая она, Матушка-Русь: убогая или обильная, забитая или всесильная? В русском характере уживаются анархизм с культом государства, национальная терпимость, «всечеловечность» с шовинизмом, свобода духа с сервиллизмом и «жуткой покорностью, «святость» со «свинством»; «...святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мошеннической» (10, с. 80). Широта души, заключающей в себе подчас противоположные качества (10, с. 64; 58, с. 136; 57, с. 39; 56, с. 95; 27, с. 246), также свидетельствует в пользу «таинственности» как непредсказуемости.

Эта не-оформленность, не-упорядоченность отражены и в «пластичности» русской души (57, с. 48), в результате чего русским свойственна «резкая и неожиданная смена чувств и интересов». Дав обещание, они часто его не исполняют (см.: 29, с. 332); Бернард Пэре иллюстрирует эту необязательность словом «отхотел» (63, с. 255).

Проявлением пластичности являются как «гениальная перевоплощаемость» русских (25, с. 323), их художественная одаренность (50, с. 104), так и русская всечеловечность, «дар всемирной отзывчивости» (29, с. 333). Начиная по крайней мере с П. Я. Чаадаева, Россия трактуется как посредница между народами и культурами, Западом и Востоком, Европой и Азией (59, с. 24-25; 1, с. 326; см.: 39, с. 124). Правда, эта универсальность связана с незафиксированностью и бескачественностью, поэтому «всечеловечность» получает и такую интерпретацию: «...наиболее выдающейся чертой русского народного склада оказалась полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального отличья» (цит. по: 29, с. 332).

Мы еще вернемся к вопросу о том, как влияет на осмысление сущности России идея ее своеобразной «бескачественности». Пока же отметим, что не-оформленность России воспринимается также как ее природность. Природа, «фюзи», не подчиняется никаким законам - и потому непостижима; «природа - сфинкс», - писал Тютчев. Россия непредсказуема, как сама природа. Россия загадочна, так как связана особыми отношениями с загадочной природой - и это всегда присутствует в самосознании русских. Помощь природы (будь то стихии «Слова о полку Игореве», услышавшие плач Ярославны, или «генерал Зима») может в любой момент изменить судьбу отдельного человека и всего народа.

В русском космосе представления о непредсказуемости бытия связаны с понятием благодати; она действует независимо ни от каких заслуг со стороны человека, изливается на него свободно, как чистый дар, а не как нечто должное, на что человек имел бы право (28, с. 332); «понятия заслуги нет в традиции Восточной Церкви», - пишет В. Н. Лосский (цит. по: 29, с. 434). Центральная оппозиция «Слова о

законе и благодати», одного из «программных» произведений русской мысли, фактически преломляется через противопоставление «отцовской» справедливости и «материнского» милосердия - как воздаяния незаслуженного, необоснованного, непредсказуемого. Иларион в «Молитве» обращается к Богу с такими словами: «Отринь гнев Твой, Боже милостивый, которого достойны мы по делам нашим... В меру наказывай, но безмерно милуй, в меру уязвляй, но милостиво исцеляй, в меру ввергай в скорбь, но вскоре утешай... Но яви кротость и милосердие Твое, ибо Тебе подобает миловать и спасать...» (24, с. 122-123).

Это упование на волю Бога, изначальное доверие к миру (50, с. 87, 115) находит проявление в русском фатализме. Русские больше полагаются на «авось» (29, с. 331-332), избегая глубокого вмешательства в ход вещей (50, с. 92). Жизнь воспринимается как своеобразная игра в «русскую рулетку».

Как проявление единства с судьбой трактуют и безграничные русские терпение и смирение; по страницам западных книг о России кочует образ русского мужика, суть философии которого выражает слово «ничего» - как ответ на все житейские неурядицы (61, с. 86; 57, с. 40; 65, т. I, с.22; 62, с. 253; 64, с. 111).

Однако фатализм диалектически связан со своей противоположностью - волюнтаризмом. Загадочность России определяется и представлением о ее особой свободе (см.: 56, с. 27). Поскольку в России ничего не определено раз и навсегда, поскольку существует очень большая вариативность путей развития и страны в целом, и отдельного человека, постольку она представляется как самая свободная в определенном отношении страна - только субъектом свободы в ней является не столько сам человек, сколько страна в целом.

Н. А. Бердяев, характеризуя настроения в СССР тридцатых годов термином «социальный титанизм», приводит слова одного нашего соотечественника: «В... коммунистической России есть настоящая свобода, потому что каждый день можно изменять жизнь России и даже всего мира, можно все перестраивать, один день не походит на другой», и заключает: «Мир стал пластичен и из него можно лепить новые формы» (6, с. 124). Действительно, вспомним: «Нам нет преград ни в море, ни на суше», «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Обратим внимание на то, что логика русского мессианизма предполагала идею потенциальности России как незавершенности. Россия бескачественна, поэтому она может стать всем, чем угодно. Она - чистая потенция, «нерастроченная сила». Хаос, беспредельность, неза-фиксированность - это одновременно и максимальная возможность (15, с. 342), возможность прорыва, чуда.

П. Я. Чаадаев, начиная в «Философических письмах» с тезиса о том, что «века и поколения

протекли для нас бесплодно» (49, с. 25), позднее приходит к идее русского мессианизма (48, с. 152). Обратившись к логике его рассуждений, убедимся, что никакого парадокса в этом нет. Чаадаев сравнивает Россию с «листом белой бумаги» (48, с. 143), подчеркивая отсутствие «резко очерченной, ярко выраженной народности» (там же). Говоря о реформах Петра, мыслитель пишет: «Неужели выдумаете, что, если бы он нашел у своего народа богатую и плодотворную историю, живые предания и глубоко укоренившиеся учреждения, он не поколебался бы кинуть его в новую форму?» (там же). Но именно вследствие этой бескачественности «для нас не существует непреложной необходимости» (48, с. 151-152); «мы никогда не жили под роковым давлением логики времен» (48, с. 151). Особенность чаадаевской интерпретации русского мессианизма очень точно выразил Бердяев: «В России есть преимущество девственности почвы. Ее отсталость дает возможность выбора. Скрытые, потенциальные силы могут себя обнаружить в будущем» (8, с. 74). Неактуализированность сил русского народа в прошлом делается для Чаадаева залогом возможности великого будущего (8, с. 73).

Загадка - это отсутствие ясности, предсказуемости, определенности, это возможность чуда. Россия и воспринимается как страна, в которой возможно всё: и стремительные взлеты, и необъяснимые падения. М. Беринг замечает, что Россия - это страна, «где ничто не столь абсурдно, что ни может случиться» (цит. по: 29, с. 355). Н. О. Лосский приводит слова одного западного автора о том, что русский народ - самый обаятельный и самый обманчивый, и добавляет: «Поистине Россия есть страна неограниченных возможностей» (29, с. 360). «В России все возможно», «Россия - страна неограниченных возможностей» (57, с.5) (или - «неограниченных невозможностей», что, в сущности то же самое) - весьма популярные эпитеты нашей страны (напр.: 50, с. 84; 56, с. 97-98).

О «великих потенциях» России рассуждали многие (напр.: 10, с. 77; 25, с. 323); приведем одну выразительную цитату: Россия - «сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега. Не засверкала еще в отточенных и отграненных понятиях... Она все еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и в бесконечных органических возможностях <...> Россия - мессия новых времен» (цит. по: 35, с. 140-141).

Россия непостижима и из-за культивируемых ею ценностей, из-за присущего только ей вектора духовного развития. «Основное свойство русского народа, - пишет Н. О. Лосский - есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни...» (29, с. 359), Града Китежа.

Эта жажда абсолютного и отрицание всего относительного - «все или ничего» (13, с. 79) - проистекает из русской неоформленности. Вальтер

Шубарт в связи с этим различает западную «культуру середины» и русскую «культуру конца» (50, с. 86). Русский максимализм, стремление к чрезмерности, крайностям, находят выражение в эсхатологизме (56, с. 31, 79), о чем свидетельствует и то, что главный праздник на Руси - Пасха, в то время как на Западе - Рождество как утверждение бытия земного, дольного (50, с. 83); ««для русской фабулы» основным оказывается не жизнь сама по себе, а освобождение от сна и смерти, своеобразное воскресение», - пишет Мариан Брода (13, с. 8).

Наконец, само противопоставление «ума» и «веры» в четверостишии Тютчева отражает представление об особых отношениях России к разуму, к классической рациональности. Аполлонийскому началу Ума, Логоса, света, ясности Россия противопоставила дионисийское начало стихии, ночи, интуиции, мистики. «Дионисическая» - это одна из нередких характеристик русской души; например, «...Россия - ...страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы» (10, с. 14; см. также: 39, с. 116). Непостижима логика исторического развития России - непостижима логика мышления русских; об их «антирационализме» С. Л. Франк пишет так: «Своеобразие русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции» (46, с. 474).

Да и термин «душа», которым так любят характеризовать психологию русского человека (или понимание России как «души мира»; 40, с. 482), вызывает вполне корректные ассоциации с чем-то нерациональным, не-рассудочным. Душа, в отличие от духа или ума, более телесна, связана с материальным, с сердцем, со сферой эмоциональной, а не рациональной, с нравственностью, а не с интеллектом. Г. В. Флоровский пишет о недостаточной «одоухотворенности» и чрезмерной «душевности» русских, «духовной неоформленности душевной стихии» (43, с. 4).

Загадочная, мистическая Россия - безмолвна. Она - «нерассказанная сказка»; потенциальность проявляется как невыговоренность и связана с ее молчанием (4, с. 220; 42, с. 76; 50, с. 149; 27, с. 177).

Подведем итоги. «Таинственность» в тендерной картине мира маркируется как женское. Параллели «загадки России» и «мистики женственности» прослеживаются вполне отчетливо. Это позволяет сделать вывод, что идея «русской загадки», сущностно связанная со многими чертами широко распространенного образа нашей страны, включает в себя тендерную характеристику России, указывая на ее женственность.

Как эта идея влияет на национальные репрезентации: образ России на Западе и русское национальное самосознание? Эта проблема нуждается в серьезном изучении; пока же обозначим

некоторые, достаточно очевидные, следствия из нее.

Н. А. Бердяев, цитируя Ф. И. Тютчева, пишет, что русским народом «можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство народов Запада» (8, с. 43-44).

Действительно, таинственная инаковость России порождает различные чувства, способствуя возникновению как «русофильских», так и «русофобских» настроений. «Веками непонятная чужеземным мудрецам» Россия воспринимается как воплощение того, что Запад утратил или разрушил в себе, как «единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее» (50, с. 33-34), вызывая у западных мыслителей чувство симпатии. Но таинственность, непредсказуемость России нередко является причиной страха и вырастающей из него неприязни. Желание «познать тайну» России, «расколдовать» ее лежит в основании стремления подчинить и контролировать ее. По мнению И. Л. Солоневича, тот, кто разделяет представления о «русском сфинксе», вынужден согласиться и с такой позицией: «Если русский народ сам по себе ни с чем управиться не может, то пустым пространством овладеет кто-то другой» (41, с. 193-194).

Необходимо принимать во внимание и влияние «русской загадки» на историческое самопознание русских. В свое время Бердяев заметил, что «верит в Россию каждый по-своему и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры» (8, с. 3). Представления об «эзотеризме» знания о России создают возможность для произвола интерпретаций - и зачастую непредсказуемо не только будущее, но и прошлое «русского сфинкса». Это постоянно воспроизводит ситуацию идейной конфронтации в русском обществе, препятствуя достижению общественного согласия. Приведем еще одну выдержку из «Народной монархии» И. Л. Солоневича: «Так называемый русский сфинкс сейчас навис над Европой - может быть, и над всем миром, он ставит перед этим миром такую загадку, какую его сказочный предшественник ставил перед всякого рода Эдидам. Неудачный отгадчик рискует быть проглоченным. Последним незадачливым Эдипом был Гитлер. Будут ли другие? Все Эдипы до сих пор проглоченные Россией - никакого счастья русскому народу не принесли <...> Лучше бы обойтись - России - без Эдипов, Эдидам - без России и обоим вместе без дальнейшей игры в загадки» (41, с. 184).

Сможем ли мы последовать его призыву?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев Д.Л. Роза мира. М., 1992.

1. Ардов Т. О русских судьбах // Ардов Т. Судьба России: Избранные очерки (1911-1917). М., 1918.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Белый А. Из окна вагона // Родина: Стихи русских поэтов.. М., 1986.
4. Белый А. Луг зеленый // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
6. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
7. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
8. Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
9. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
10. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
11. Блок А. А Русь//Родина.
12. Брода М. История и будущее. Между панмен-тализмом и ментальным нигилизмом // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996.
13. Вейнинггер О. Пол и характер. М., 1992
14. Гачев Г. Д Национальные образы мира. М., 1988.
15. Гачев Г.Д Русская Дума. М., 1993.
16. Гачев Г.Д Русский Эрос. М., 1994.
17. Гейвандов Э.А Женщина в пословицах и поговорках народов мира: Любовь. Красота. Супружество. Дети. Разноцветье. М., 1995.
18. Джонсон Р.А Он: Глубинные аспекты мужской психологии. Харьков; М., 1996.
19. Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994.
20. Иванов В.И. Живое предание // Там же.
21. Иванов В.И. О достоинстве женщины// Иванов В.И. По звездам. СПб., 1909.
22. Иванов В.И. Существо трагедии //Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
23. Иларион. Мшитва//Златоструй: Древняя Русь X-XII вв. М., 1990.
24. Карсавин Л.Л. Восток, Запад и русская идея// Русская идея. М., 1992.
25. Курбатов В.И. Женская логика: (В шутку и всерьез о странностях молвы, сужденья, спора...). Ростов н/Д, 1993.
26. Кюстин А. де, Николаевская Россия. М., 1990.
27. Лепорский П.И. Бшгодать // Христианство: Энцикл. слов.: В 3т. Мм 1995. Т. 3.
28. Лосский Н.О. Характер русского народа //Лосский Н.О. Условия абсшюгного добра: Основы этики^ Характер русского народа. М., 1991.
29. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
30. Мершавка В. Кто же «она» такая: Психея или Василиса Прекрасная?.. //Джонсон Р.А Она: Глубинные аспекты женской психологии. Харьков; М., 1996.
31. Назаров М. Смысл истории // Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997.
32. Ницше Ф. Так говорил Заратустра//Соч.: В 2т. М., 1990. Т. 2.
33. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.
34. Рерих Н.К. Россия // Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1990.
35. Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне дневника М., 1994.
36. Розанов В.В. Люди лунного света // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
37. Розанов В.В. Русская церковь//Там же. Т 1.
38. Рябов О.В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.
39. Соловьев В. С. Поэзия Ф.И.Тютчева// Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
40. Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.
41. Федотов Г.Л. Новый идол //Федотов Г.Л. Судьба и грехи России: {Избранные статьи по философии русской истории и культуры}: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2.
42. Федотов Г.П. Три столицы // Там же. Т. 1. СПб., 1991.
43. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991.
44. Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2т. М., 1994. Т. 1.
45. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.
46. Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.
47. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Соч. М., 1989.
48. Чаадаев П.Я. Философические письма//Там же.
49. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997.
50. Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.
51. Эрн В. Г.С.Сковорода: Жизнь и учение. М., 1912.
52. Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. Киев, М., 1997.
53. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994
54. Юнг К.Г. и др. Человек и его символы. М., 1997.
55. Broda M. Najtrudniejsze z rosyjskich wyznan?: Zagadka beon^ewa i Rosja. Lodz, 1995.
56. Baring M. The Russian people. L, 1911.
57. Binyon M. Life in Russia. L, 1983.
58. Graham J. Undiscovered Russia. L, 1912.
59. Hubbs J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. BJoomington, 1988.
60. Miller W.W. Russians as people. N.Y., 1961.
61. Pares B. Russia: Between Reform and

Revolution. N.Y., 1962.

62. Spengler O. The Decline of the West: In 2 vol. N.Y., 1976. Vol 2. -

63. Smith H. The Russians. N.Y., 1976. -

64. Wallace Mackenzie D. Russia: In 3 vol. L, 1912.

65. Weidle W. Russia: Absent and Present. L, 1952.

